

Мелодия майской Марии

... Как только начинались теплые деньки мая, распускалась листва на старых тополях, черемуха и сирень набирали цвет и благоухали празднично и торжественно, в доме на улице 8 Марта, 7 (это центр Екатеринбурга) открывались окна для встречи весеннего ветра. А около одного из окон останавливались прохожие, чтобы послушать звуки фортепиано. Да-да! В одной из квартир на первом этаже этого дома почти каждый день шли музыкальные репетиции студентов консерватории. Все соседи знали, что пианисты готовятся к экзаменам у профессора Марии Григорьевны Богомаз. Возможно, были и те, кому докучала классическая музыка: в огромных же количествах! Но большая часть обитателей двора наслаждалась бесплатными концертами. Марию Григорьевну жильцы дома уважали и любили. И за характер, и за ум, и за красоту и за простоту. Когда она выходила «подышать» во двор, то с удовольствием беседовала с соседками на любые темы. Никакого флера «профессорства» не

Мария БОГОМАЗ

было, только доброе внимание к любому собеседнику.

Следуя жанру воспоминаний о ней, цитирую сетевое издание <http://mybiblioteka.su/tom2/317618.html>. Жаль, что автор чудных заметок не упомянул свою фамилию, поэтому – ссылка на интернетовский ресурс.

«О себе Мария Григорьевна рассказывала так: «Я родилась в Киеве 2 мая 1914 года... Еще

маленькой очень хотелось попробовать поиграть на рояле. Однажды попросила позволить сыграть у своей учительницы, у меня хорошо получилось, и учительница сказала: «Надо тебя показать Константину Николаевичу Михайлову (профессору)». Вместе с мамой мы пошли на экзамен, я была отобрана из более 100 претендентов и стала ученицей Михайлова в группе малолеток: в то время консерватория включала весь цикл, от пригготовительного класса до аспирантуры. За первый год я сделала большие успехи».

А вот вспоминает невестка Богомаз, тоже пианистка, преподаватель Уральской консерватории Наталья Семеновна Цеханская: «Мария Григорьевна – потомственная киевлянка. Жила на Подоле. Училась в Киевской консерватории. Она была ребенком-вундеркиндом, концертировала с детства. Потом училась в Московской консерватории у Льва Оборина. Отец ее, художник Герш Богомаз, был стекольщиком, а точнее, витражистом. Семья была богатая, обеспеченная. Талантливого ребенка любили и холили».

После учебы в Киеве и Москве Мария стала давать концерты. К тому времени она уже вышла замуж за Михаила Цеханского, который просил ее руки у родителей весьма оригинальным способом. Человек революционных взглядов, служивший в частях РККА, он достал из кармана револьвер и положил на стол. И только после этого сделал предложение руки и сердца. Отказа не было. Тем более что и сама Мария полюбила его, брак

Мария БОГОМАЗ с учениками. 1959 год

оказался крепким и сложенным, как если бы муж и жена образовали один аккорд, причем, гармоничный. Михаил Израилевич Цеханский был химик-металлург. Работал в Институте черных металлов, потом в Институте стандартизации. Кандидат технических наук. Его исследования касались брони для танков. Семья получила квартиру в центре Свердловска в начале 1930-х годов.

В 1936-м в Свердловске открылась филармония. Симфонический оркестр Радиокomiteта под управлением блистательного дирижера Марка Павермана исполнил Первый концерт Ф. Листа, солировала Мария Богомаз. Незнакомое для свердловчан имя вскоре стало необычайно популярно.

Мария Григорьевна активно выступает в сольных программах с произведениями Ф. Листа, Ф. Шопена, С. Рахманинова, П. Чайковского. Ее репертуар обширен и многогранен: сочинения Моцарта, Мендельсона, Грига, Листа, Балакирева, Шимановского, Скрябина, Альбениса, Равеля, Дебюсси... В то же время она приступает к педагогической работе в Уральской государственной консерватории, выступает в ансамблевых программах.

Уральская государственная консерватория имени М.П. Мусоргского

Особой интенсивностью были отмечены военные годы, когда Богомаз сыграла более 500 концертов. Все средства за эти концерты были перечислены для нужд фронта, а Мария Григорьевна получила благодарственную телеграмму, подписанную Сталиным.

Сама она упоминала, что маршал Г. К. Жуков неоднократно приходил на ее концерты в 1950-е годы, когда руководил Уральским военным округом.

В 1960-е Богомаз сокращает количество выступлений в филармонии, и ее основным призванием становится педагогика.

В квартире давно «прописался» рояль «Бернштейн», купленный в отделе музыкальных инструментов на первом этаже старого Пассажа, обладавший редкостным по красоте

звучком. И рояль тоже трудился, как его хозяйка. Несмотря на то, что квартира была небольшая, это неудобство восполняло «центровое» положение дома: консерватория в 100 метрах, да и филармония — рядом. Работала Мария Григорьевна вдохновенно и радостно. Трудом это и не назовешь. Это было настоящее творчество. Хотя к нему подходит выражение «сладкая каторга». И так продолжалось почти до ее 80-летия.

Но что за разговор об интересном человеке и творческой личности без милых бытовых подробностей?! Невестка Марии Григорьевны Наталья Семеновна упоминает, что «на хозяйстве» у Марии Григорьевны была Матрена Кирилловна, приехавшая с Украины. Она была не просто домработница, а помощница. И получала зарплату за свой труд, эти накопления потом позволили ей приобрести отдельную квартиру.

Мария Григорьевна была невероятно хлебосольная и обожала принимать гостей. В ее доме бывали и Ойстрах, и Нейгауз, и Ростропович, и Паверман. Ну, как

не угостить коллег? Какие столы накрывались в небольшой профессорской квартире! Фирменными блюдами были: форшмак, кисло-сладкое мясо с белым багетом (мясо в особом соусе, без гарнира, тушеное с фруктами), фаршированная шейка (куриное мясо, провернутое через мясорубку, с орехами и специями, «упакованное» обратно в куриную кожу, зашитую нитками лично хозяйкой и запеченное в духовке). Отменная кулинарка была Мария Григорьевна! Если бы свободного времени было в достатке...

Но не только знаменитых коллег она угощала, в этом доме стол накрывался и для студентов, особенно это касалось трудных 1990-х, когда студенты (чего скрывать!) голодали.

Главой семьи считался Михаил Израилевич, но «капитаном корабля» была Мария Григорьевна. Она была так тонка и умна в семейной жизни, что, соглашаясь с мужем во всем, поступала по-своему. От этого выигрывали все. В доме покой и порядок. Совет да любовь.

Стоит упомянуть, что она играла в концертах до 80 лет. Трудолюбие было феноменальное, да и талант немаленький.

Учиться в ее классе было брендом. Модное словечко, но именно оно обозначает высший класс обучения и квалификации. Почему? Да потому что она создала ШКОЛУ. Школу нетравматичной игры на фортепиано. Она не просто лечила переигравших музыкантов правильной постановкой рук, а спасала их судьбы. Переигравший музыкант – крест на карьере. Так что спасала в прямом смысле слова.

И, конечно, о чем нельзя не упомянуть (голос Натальи Семеновны теплеет), Мария Гри-

Если бы ее ученики собрались вместе...

горьевна была потрясающая свекровь. Именно она присмотрела невестку – умницу и красавицу-пианистку для любимого сына – тоже, кстати, музыканта (Владимир Михайлович Цеханский впоследствии проректор по учебной работе Уральской консерватории, кандидат психологических наук), а потом спросила молодых: хотят они роскошную свадьбу или собственную квартиру? Молодые предпочли квартиру, и она им ее подарила.

Несмотря на то, что прошло 20 лет со времени ее ухода, многие бывшие студенты помнят занятия, когда Мария Григорьевна

Профессор Уральской консерватории Алексей БУКРЕЕВ в 1983 году окончил УТК по классу профессора М. Г. Богомаз

могла и поругать, и наказать, стукнув по затылку за неправильную осанку или положение рук, и угощения, и доверительное отношение. Характер у нее был волевой и даже властный. Сейчас бы сказали «крутой», но при этом отзывчивый, отходчивый и добрый. Например, соседи помнят, как однажды она приехала с концерта (в концертном платье!), а к ней бросилась детвора жаловаться, что собачники увезли любимца – дворового песика. Она тут же взяла такси, поехала, вызволила бедолагу из неволи и привезла обратно.

«Сказать, что она много и охотно сама играла на занятиях – это ничего не сказать. Качество ее исполнительского показа было ошеломляющим. О звучании инструмента под ее пальцами ходили легенды. Она обладала природным пианизмом, блестящей фортепианной техникой. Может быть, в какой-то мере этому способствовало строение ее руки: ладонь была шире обычной примерно на ширину указательного пальца. Нас, студентов, необыкновенно занимал секрет ее феноменальной виртуозности. Как некогда слушатели искали секрет исполнения Моцарта в его перстне,

так мы пытались найти разгадку виртуозности Марии Григорьевны в строении ее рук. Поражало нас, да и не только нас, студентов, то, что ее виртуозность, казалось, не нуждалась в технической тренировке» (цитата по сетевому ресурсу <http://mybiblioteka.su/tom2/317618.html>.)

А вот случай, о котором рассказывают в консерватории как о легенде. В ту пору,

о которой идет речь, ей было около восьмидесяти лет. Она и еще двое профессор-пианистов вошли в Малый зал консерватории с целью дать окончательный вердикт в отношении старого концертного рояля, уже, по общему мнению, непригодного. За рояль сел сначала один профессор, потом другой – оба хорошие пианисты, поиграли

немного, подтвердив ранее данную отрицательную оценку инструменту, и вышли из зала. Мария Григорьевна, в то время уже с трудом ходившая, медленно взобралась на сцену и уселась за рояль. Едва раздались первые звуки, в зал влетели только что покинувшие его педагоги с восклицанием: «Это вы на каком сейчас рояле играли?» Убедившись, что на том самом, «непригодном», заметили: «У вас и бревно будет звучать».

Фортепианная игра для Марии Григорьевны была не просто любимой профессией, но средоточием смысла и красоты жизни, тем способом существования, который приобщал к высшим духовным ценностям, а также дарил физическое здоровье. С возрастом она стала еще красивее, на ее лицо легла печать не старости, а ста-

ринности аристократического портрета.

«За годы занятий в консерватории она приучала вслушиваться в каждый мелодический тон, каждый аккорд, ощущать тончайшие изменения обертоновых «подсветок» основного звука, едва уловимые «переливы» гармонических фонов, погружаться в само длящееся музыкальное пространство, что было похоже на слуховой транс. Однако потом добытые таким образом в самом медленном темпе звуки сверкали в вихре пассажей, как бриллианты. Она добивалась

Кафедра профессора Богомаз

свободного, «оперного» звучания, когда палец словно прорезает клавишу, достигая самого дна ее. Ощущение звука «на кончике пальца» при полной естественности положения руки было главным достоинством ее метода. Другим положительным моментом педагогики Богомаз было развитие колористического слуха, «фантазийности» исполнения.

М.Г. Богомаз воспитала более 150 учеников, среди которых народная артистка РФ, профессор Н. Панкова, заслуженные деятели искусств РФ, профессора Г. Рогожников, В. Кобекин, М. Ярославцева и другие. Студенты ее класса впоследствии составили опору фортепианной кафедры УГК. По сути, она создала собственную пианистическую школу на Урале (по книге Л. О. Горбовец «Пианисты Екатеринбург», 2000).

В мае далекого 1914 года появилась на свет Маша, будущая прекрасная пианистка и великолепный преподаватель фортепианного искусства Мария Григорьевна Богомаз. Память о ней всегда будет светлой, легкой, отрадной, как аромат белой сирени у окон ее бывшей квартиры. Пусть звучит старый «Бернштейн» под чьими-то резвыми пальцами, а ученики Богомаз поднимают рюмочку доброго вина в ее майский день рождения!